

УДК 343.131.5

ГЕНЕЗИС ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ ТЕОРИИ ПРИЧИННОСТИ В КРИМИНАЛИСТИКЕ И ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

THE GENESIS OF THE FORMATION OF THE THEORY OF CAUSALITY IN CRIMINOLOGY AND DOMESTIC CRIMINAL PROCEEDINGS

М.Е. Игнатъев
M.E. Ignatiev

*Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина,
Россия, 125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9*

*Kutaфин Moscow State Law University (MSAL),
9, Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, 125993, Russia*

E-mail: 89166810785@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы генезиса возникновения теории причинности в криминалистике и уголовном процессе отдельные проблемные вопросы, связанные с прикладными аспектами этой теории в практике расследования преступлений.

Resume. In the article, the questions of the Genesis of the emergence of the theory of causality in criminology and the criminal process specific problematic issues related to applied aspects of this theory in the practice of investigation of crimes.

Ключевые слова: причинность, причинно-следственная связь, криминалистика, уголовный процесс.
Key words: causality, causal link, criminalistics, criminal process.

Проблема причинности в криминалистике и уголовном процессе достаточно тесно связана с вопросами определения понятия доказательств и процессом собирания системы доказательств как криминалистическими, так и уголовно-процессуальными способами и средствами.

В современной нормативно-правовой трактовке доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенным кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Так определяет эту процессуальную категорию Уголовно-процессуальный кодекс РФ [11].

Истоки данного определения доказательств формировались в российском уголовном процессе длительное время. В качестве исходной точки эволюции уголовно-процессуального законодательства в данной сфере можно принять фундаментальный труд Я.И. Баршева «Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству». Этот российский процессуалист впервые обратил внимание законодателей и правоприменителей на проблемы исследования доказательств, научно обосновав ряд рациональных приемов и методов их исследования.

Так, исходя из постулата о том, что «следствием о преступлении должен быть обнаружен и приведен в возможно полную известность весь состав преступления» [1: 50], Я.И. Баршев утверждал, что данная известность может быть достигнута с использованием определенных «источников», которые имеют двоякое свойство: «1) они в душе следователя или производят полное убеждение в действительности какого-либо происшествия, уничтожая всю силу противоречащих им обстоятельств; или 2) они таковы, что в душе следователя оставляют борьбу между причинами, подтверждающими и между причинами опровергающими дело» [1: 51]. Иными словами, при расследовании преступления следует опираться именно на те источники, которые могут способствовать познанию истоков или причин изучаемого явления, а не ограничиваться исследованием каких-либо промежуточных фактов, в том числе последствий расследуемых явлений или события.

Эти источники Я.И. Баршев назвал доказательствами, разделив их на «два главных класса: 1) такие, которые непосредственно зависят от судьи или следователя и такие 2) которые доставляют ему убеждение в действительности чего-либо посредством» [1: 52]. К числу источников непосредственного убеждения автор отнёс личный осмотр и осмотр лиц, сведущих в предмете исследования, а посредством, соответственно – собственное признание, показание свидетелей и пись-

менные доказательства. Такая методология актуальна и сегодня, о чем свидетельствует содержание ч. 2 ст. 74 УПК РФ.

Особое внимание в концепции Я.И. Баршева следует обратить на тот факт, как он комментирует обязательную необходимость *установления связи* между доказательствами. Он пишет, если «собранные следователем доказательства относительно исследуемого им уголовного дела заключают в себе какую-либо неполноту или несовершенство, то необходимо прибегнуть к средствам, с помощью которых можно восполнить этот недостаток в доказательствах» [1: 118]. В этой связи предлагая использовать те или иные приемы восполнения сведений о связи между доказательствами, Я.И. Баршев пояснял, что эта связь может быть «более или менее вероятной». По его мнению, обязанность судьи состоит в собирании возможно большего количества доказательств в исследуемом им уголовном деле, «как для убеждения в вине подсудимого, так и для удостоверения в том, что им сделано все для открытия возможной с его стороны невинности» [1: 150].

Этот уважаемый российский процессуалист был не одинок в убеждении обязательной необходимости установления *процессуальных причинно-следственных связей* в материалах уголовного дела. На это же обстоятельство обращал внимание и его современник В.Д. Спасович. Он писал: «Вся деятельность судьи главным образом направлена к тому, чтобы из частных следов, из последствий восстановить их причину» [8: 9]. Рассматривая с этой целью все виды судебных доказательств, автор пришел к выводу о том, что каждое из них по-разному влияет на «наше сознание» и задача судопроизводства состоит в достижении такого результата, когда приходит «положительное или отрицательное убеждение в виновности подсудимого». При этом достоверность доказательств, как считал В.Д. Спасович, не может быть безусловной, а только относительной, ибо наш ум – близорукий и ограниченный, не может и помышлять о том, «чтобы объять всю истину, совместить в себе необъятное, беспредельное» [8: 10-11]. Обосновывая свой вывод он *одним из первых употребил термин процессуальная причинно-следственная связь и система доказательств* [8: 11]. В.Д. Спасович полагал, что с помощью этой системы возможно исследовать важнейший вид правды – правды юридической, под которой он понимал верное отражение действительности в сознании человека. Со своей стороны, добавим – *без установления объективной причинно-следственной связи между процессуальными и криминалистическими средствами (следственные и судебные действия) установления обстоятельств происшедшего события преступления невозможно установить и истину о нем.*

Нам не вполне понятно почему многие современные российские исследователи проблем уголовно-процессуальной теории и практики так редко обращаются к фундаментальным источникам российской правовой мысли прошлого, а при их упоминании в своих работах характеризуют эти источники как источники устаревшие и на этом основании не соответствующие современной процессуальной ситуации.

По нашему глубокому убеждению, современной российской уголовно-процессуальной концепции следует основываться на соответствующих научных школах отечественных процессуалистов, сохранять традиции и преемственность в науке, а к современным «модным» западным тенденциям уголовного судопроизводства относиться на основе критического осмысления и полезности их обществу и российскому государству.

Кроме того, мы считаем, что современным российским процессуалистам следует более серьезно и вдумчиво отнестись к научному наследию Я.И. Баршева, В.Д. Спасовича, да и их современников, так как многие их высказывания требуют глубоких исследований. В этой связи заслуживает, например, внимания, хотя бы такой тезис, что «история судебных доказательств есть история народного ума» [8: 11].

Исследуя современные проблемы системы доказательств в российском уголовном процессе в аспекте причинно-следственной связи, целесообразно опираться на первоначальные и необходимые составляющие элементы, которые принято именовать фактическими данными, фактами, сведениями, данными или иными понятиями, отражающими либо объективную, либо субъективную их реальность.

Под *фактическими данными* в уголовном процессе можно подразумевать так называемое «сырые», то есть еще не осмысленные следователем и не приведенные в систему сведения о событии преступления, которые могут иметь или не иметь отношение к расследованию, а значит просто совпадать во времени и в пространстве с указанным событием. Как свидетельствует практика отдельные фактические данные, не отражающие связи с основной версией расследования следователем во внимание не принимаются. Однако процесс расследования основан на последовательном накоплении фактических данных, и поэтому они могут образовывать определенные совокупности, которые нельзя оставлять без внимания и следует учитывать. Их количественные характеристики нередко позволяют следователю формировать внутреннее убеждение о связи этой совокупности с тем или иным *фактом* объективной действительности. Иными словами, установление причинно-следственных связей между определенным количеством фактических данных, первоначально оцениваемых следователем как не связанных с событием преступления в определенной совокупности достигая «массы качества» могут оказаться конкретным фактом, который вписывается и в основную версию расследования, и в систему доказательств преступления. Практика расследова-

ния преступлений свидетельствует о том, что фактические данные о которых идет речь, являются косвенными доказательствами преступления. На процессуальном языке это называется косвенным доказыванием, которое состоит «в познании связей между фактическими обстоятельствами исследуемого события, то есть представляет закономерное движение мысли от одних фактов к другим: от причин к следствию, от условий к обусловленному и т.п.» [13].

В процессуальной и криминалистической литературе связи между доказательствами преступления устанавливаются и всегда рассматриваются суммарно. Это означает, что они сводятся к одному типу связи – причинной связи. Строгович М.С. этот вид связи считал основанием косвенного доказывания и выделял несколько направлений этой связи: от причины к следствию, от следствия к причине, от общей причины к одному из следствий, и от общего следствия к одной причине.

В процессе расследования преступлений наряду с причинными приходится устанавливать различные связи между обстоятельствами дела. Отдельные их формы могут быть выделены посредством анализа в практической деятельности следователя, когда следует доказывать частные обстоятельства относительно процессуально закрепленных, обстоятельств, подлежащих установлению. Для этого используются различные процессуальные действия.

Процессуальный путь доказывания на основании прямого направления «причина-следствие» достаточно часто встречается в следственной и судебной практике. Однако предварительное расследование преступлений преимущественно основано на доказывании по обратному направлению «следствие-причина», что означает процесс исследования следов-последствий (следствия) преступления к установлению обстоятельств события преступления (причина). Когда мы имеем в виду обстоятельства события преступления, то безусловно подразумеваем множественность причин, так как крайне редко одна единственная причина может привести к наступлению преступного результата.

Для решения задач, определенных вышеприведенным тезисом наряду с уголовно-процессуальными способами и средствами необходимо использование логических приемов и криминалистических способов и средств.

Логические приемы преимущественно связаны с логическим силлогизмом с общевыделяющей большой посылкой, однако последняя может быть сформулирована только тогда, когда процессуальным путем будет установлено, что все другие (также возможные) причины преступного события исключены.

Методы отыскания действительных причин преступного события могут быть связаны и с использованием общенаучной методологии. Она может быть связана и с определенными эмпирическими исследованиями, в первую очередь с экспериментами, реализация которых позволит в конечном итоге выделить искомые причины.

Даже такое упрощенное и тезисное изложение процесса установления причин события преступления свидетельствует о том, что мы следуем по пути обоснования и проверки гипотезы (версии предварительного расследования), посредством выделения из нее следствия и проверки этих следствий наблюдением, другими общенаучными методами и формально-логическими приемами.

Криминалистические способы и средства установления причинности в процессе расследования в науке обоснованы недостаточно. Эта проблема только обозначена Р.С. Белкиным [5: 508-524] и, отчасти, реализуется в научно-практических исследованиях, связанных с обоснованием отдельных общих вопросов и методик расследования преступлений.

В криминалистических исследованиях причинно-следственных связей преступного события отмечается, что их основной вектор направлен на изучение ситуационных признаков явлений, позволяющих сделать вывод о наличии или отсутствии причинной связи, раскрыть процесс отражения, позволяющий проследить причинную обусловленность и зависимость результата отражения – «отпечатка» исследуемого явления от отражаемого объекта – преступления, со всеми его внутренними и внешними связями, имеющими значение для процесса доказывания.

Развитие криминалистических положений теории причинности в аспекте их практической реализации может оказать существенную помощь практике предварительного расследования преступлений и судебному разбирательству уголовных дел о них. Выше мы обращали внимание на тот факт, что предварительное расследование преступлений, преимущественно, идет от следствия к причине, на основании выдвижения следственной версии. Криминалистическое обоснование причинности преступной деятельности может способствовать развитию прогностической функции уголовного судопроизводства в планировании, организации и реализации тактических средств предварительного расследования. Эта система теоретических обоснований, основанная на широком анализе судебно-следственной практики может способствовать предсказыванию следствия в ситуациях, когда, известна причина и сформулированы допущения для данной предметной области расследования. События, относящиеся к условиям возникновения следствия, объясняет причины, если известно следствие и сформулированы новые явления, когда известно событие, подлежащее объяснению, однако не известны условия (не сформулированы или не верно определены допущения), необходимые для того чтобы получить объяснение данного события.

Различие понимания и объяснения причинности в уголовном процессе и в криминалистике основаны на особенностях объекта познания. В уголовном процессе это доказательства преступления. В криминалистике – «механизм преступления и содержательная сторона процесса его установления» [5: 511].

Криминалистика в процессе доказывания преступления играет важную роль установления его объективной стороны, то есть устанавливает характер и содержание механизма события по его материально фиксированным и психофизиологическим следам. Этот процесс основывается на том, что цепи причинения обладают пространственной или временной непрерывностью; способны к переносу структуры от причины к следствию (воспроизведение в ходе причинения структуры причины в структуре следствии); необратимы во времени.

При всем этом в криминалистических исследованиях данного вида связи отмечаем, что она является лишь частью универсальной связи, то есть причинно-следственные связи не охватывают всего многообразия системы объективных связей действительности, которые могут отражаться в преступном событии, однако достаточно часто являются доминирующими связями указанной системы.

В этой связи, для целей дальнейшего научно-практического исследования, заслуживает внимания выводы С.Н. Чурилова. Этот криминалист отмечал, что определение механизма преступления как системы устойчивых связей объекта выражает устойчивые и упорядоченные отношения между элементами системы, рассматриваемой на уровне массового, но не единичного явления. Эти отношения, полагает С.Н. Чурилов есть ни что иное как причинно-следственные связи, а в «переводе» на язык криминалистики это означает – структура преступления отражает причинно-следственные отношения между эмпирическими данными, полученными в результате изучения и обобщения сходных преступлений, то есть общие причины и общие следствия [14].

Не трудно заметить, что эти общие причины и общие следствия играют познавательную роль при установлении единичных причинно-следственных связей, характеризующих конкретное событие преступления.

В настоящей публикации достаточно трудно провести полное обоснование генезиса возникновения теоретических тенденций обоснования причинности к криминалистике и уголовном судопроизводстве, так как это вопрос более глубокого изучения. Однако даже отдельные обозначенные нами факты с очевидностью указывают на научное и прикладное значение и необходимость дальнейшего развития данного знания, которое способно оказать существенную помощь как в разработке криминалистических средств раскрытия и расследования преступлений, так в ситуационном их использовании на практике процессуально уполномоченными субъектами.

Список литературы References

1. Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. М.: «ЛексЭст», 2001. С. 50.
Barshaw Y. I. the Foundation of the criminal proceedings in application to the Russian criminal proceedings. М.: "Lexest", 2001. P. 50.
2. Бедняков Д.И. Использование не процессуальной информации при возбуждении уголовного дела и расследовании уголовных дел о хищениях. Горький: Горьковская высшая школа МВД СССР. 1988.
Poor D. I. the Use of non procedural information in criminal proceedings and investigating criminal cases of theft. Gorky: Gorky higher school of the USSR Ministry of internal Affairs. 1988.
3. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М.: Норма. 2005. С. 228.
Belkin A. R. Theory of proof in criminal proceedings. М.: Norma. 2005. P. 228.
4. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частная теории. М.: Юрид. лит., 1987. С. 233.
Belkin R. S. Criminalistics: problems, trends, prospects. Public and private theories. М.: Yurid. lit., 1987. P. 233.
5. Белкин Р.С. Курс криминалистики. М.: Закон и право, 2001. С. 472; См.: Кондаков Н. И. Логический словарь. М.: Наука. 1971.С. 272-273.
Belkin R. S. Course of criminalistics. Moscow: Zakon I pravo, 2001. 472 P.; Cm.: Kondakov N. I. Logical dictionary. Moscow: Nauka. 1971. With. 272-273.
6. Быков В.М. Следователь в уголовном процессе России. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 291.
Yukov, V. M., Investigator in the criminal process of Russia. М.: Yurlitinform, 2014. P.291.
7. Гармаев Ю.П. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании уголовных дел о взяточничестве: практич. пособие / с предуведомлением проф. А.Ю. Шумилова. М.: издательский дом Шумиловой Н.И., 2005.
Garmaev Yu. p. Using the results of operational-investigative activity in the investigation of criminal cases of bribery: practical. allowance / notice of Professor A. Yu Shumilov. М.: publishing house Shumilova N. And. 2005.
8. Маркушин А.Г. Оперативно-розыскная деятельность – необходимость и законность. 2-е изд., перераб. и доп. Н. Новгород: Нижегородский юридический институт МВД РФ. 1997. С. 141.
Markushin A. G. Operational-investigative activity – the need and legality. 2-e Izd., Rev. N. Novgorod: Nizhny Novgorod law Institute of MIA of the Russian Federation. 1997. P. 141.
9. Мешков В.М. Время в уголовном процессе и криминалистике. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 74.
Meshkov V. M. Time in the criminal process and criminalistics. М.: Yurlitinform, 2012. P. 74.

10. Мешков В.М., Попов В.Л. Оперативно-розыскная тактика и особенности использования полученных результатов в ходе предварительного расследования: учебно-практ. пособие. Изд. третье, исправленное и дополненное. М.: Щит-М. 2012.

Meshkov V. M., Popov V. L. investigative tactics and the use of the results obtained during the preliminary investigation: training and practice. allowance. Ed. third, revised and enlarged. M.: The Shield-M. 2012.

11. Новый иллюстрированный энциклопедический словарь / Под ред. В.И. Бородулина, А.П. Горкина, А.А. Гусева, Н.М. Ландау и др. М.: Научное издательство «Большая российская энциклопедия», 2003. С. 757.

New illustrated encyclopedic dictionary / ed. by V. I. Borodulin, A. P. Gorkina, A. A. Gusev, N. M. Landau et al. M.: Scientific publishing house "Great Russian encyclopedia", 2003. S. 757.

12. Плюсы и минусы некоторых норм нового УПК // Актуальные теоретические и практические проблемы нового УПК Российской Федерации. М., 2003. С. 23-29.

The pros and cons of certain provisions of the new code // Actual theoretical and practical problems of the new criminal procedure code of the Russian Federation. M., 2003. S. 23-29.

13. Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. – М.: ЛексЭст», 2001. С. 9.

Spasovich V. D. On the theory of forensic criminal evidence in connection with the judicial system and legal proceedings. – M.: Lexest", 2001. P. 9.

14. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Основные положения советского уголовного процесса. М.: «Наука», 1968. Т. 1. С. 302.

Strogovich MS the Course of the Soviet criminal process. The main provisions of the Soviet criminal process. M.: "Nauka", 1968. Vol. 1. S. 302.

15. Уголовный процесс. Проблемные лекции / под ред. В.Т. Томина, И.А. Зинченко. М.: издательство Юрайт, 2013. С. 374.

The criminal procedure. Lectures / under the editorship of V. T. Tomina, I. A. Zinchenko. M.: IZDATEL'stvo yurayt, 2013. P. 374.

16. Уголовно-процессуальный кодекс РФ 2001 г.

The code of criminal procedure of the Russian Federation, 2001

17. Федеральный закон № 23-ФЗ от 04.03.2013 г.

Federal law No. 23-FZ dated 04.03.2013 g.

18. Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть особенная. Издательство «Юридическая литература». М., 1967. С. 53.

Proof theory in the Soviet criminal process. Part of the special. Publishing house "Legal literature". M., 1967. P. 53.

19. Чурилов С.Н. Проблемы общего метода расследования преступлений. М., 1993. С. 244.

Churilov S. N. Problems the General method of investigation of crimes. M., 1993. S. 244.